

ПОЛЮБИТЕЛЬНОСТЬ
В ЯЗЫКЕ
М. В. ВАСИЛ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ



ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Ответственные редакторы
Е. Г. Борисова и Ю. С. Мартемьянов



«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

ББК 81-2я43
И 54

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-06116

И 54 Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е. Г. Борисова,
Ю. С. Мартемьянов. — М: «Языки русской культуры»,
1999. — 200 с.

ISBN 5-7859-0033-5

Коллективная монография включает в себя работы, посвященные различным языковым единицам, которые содержат в той или иной степени неявную, имплицитную, информацию, извлечение которой предполагает либо логический вывод, либо также учет дополнительных сведений, в частности фоновых знаний и т. п. Рассматриваются факты семантики, от слов с их морфологией и связанных синтаксических единиц, вплоть до предложений-высказываний и целых текстов. Отдельно говорится об имплицитности и ее раскрытии в прикладных исследованиях – описывающих язык рекламы, подходы к преподаванию иностранных языков (русского для иностранцев) и к переводу.

В послесловии делается попытка проинтерпретировать описанные подходы к снятию имплицитности – используя средства трансформационной грамматики.

Книга может быть интересна широкому кругу лингвистов-теоретиков и специалистов по прикладной лингвистике.

ББК 81-2я43

ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Отв. редакторы *Е. Г. Борисова* и *Ю. С. Мартемьянов*

Издатель А. Кошелев

Текст дается в авторской корректуре.

Подписано в печать 10.03.99. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Школьная».
Усл. изд. л. 16,125. Заказ № 534 Тираж 1000.

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

ISBN 5-7859-0033-5



9 785785 900332 >

© Авторы, 1999

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Имплицитная информация в языке и речи <i>Под ред. Е. Г. Борисовой и Ю. С. Мартемьянова</i>	7
Предисловие (<i>Е. Г. Борисова и Ю. С. Мартемьянов при участии И. И. Акимовой</i>)	9
Глава I	
ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ЛЕКСИКО- ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	15
Раздел 1 ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ (<i>Е. Г. Борисова</i>)	15
Раздел 2 ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ЛЕКСИКЕ (<i>Е. Г. Борисова</i>)	30
Раздел 3 ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И СТЕРЕОТИПЫ ДИСКУРСА (<i>Н. Г. Брагина</i>)	43
Глава II	
ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ	58
Раздел 1 МЕТАЯЗЫК ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ОТ ЭКСПЛИЦИТНОЙ ГЛУБИНЫ К ИМПЛИЦИТНОЙ ПОВЕРХНОСТИ (<i>Ю. С. Мартемьянов</i>) ...	58
Раздел 2 СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ СВЯЗИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (бессюзные предложения, частицы, союзы) (<i>Е. Г. Борисова</i>)	76
Глава III	
ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ НА УРОВНЕ ТЕКСТА	81
Раздел 1 ИМПЛИЦИТНЫЕ СМЫСЛЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СЕМАНТИКО- ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ (<i>И. Л. Муханов</i>)	81
Раздел 2 О ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (диалог) (<i>И. Л. Муханов</i>)	88
Раздел 3 ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ТИПЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ (речевой акт ПРИЗНАНИЕ) (<i>И. А. Шаронов</i>)	95
Раздел 4 РЕЧЕВЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭТИКЕТ (<i>Л. В. Фролкина</i>)	108

Раздел 5	
АФОРИЗМ: ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ	
ИМПЛИЦИТНОГО ТЕКСТА (Ю. С. Мартемьянов)	115
Глава IV	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	
ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ	124
Раздел 1	
«РУССКОСТЬ» КАК ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ	
В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ (М. Д. Зиновьева)	124
Глава V	
ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ	
В ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	134
Раздел 1	
ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ПРЕПОДАВАНИЕ	
НЕРОДНОГО ЯЗЫКА (М. Д. Зиновьева при участии Е. Г. Борисовой	
и Л. В. Фролкиной)	134
Раздел 2	
ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ	
В РЕКЛАМЕ И ПРОПАГАНДЕ (Е. Г. Борисова, Ю. К. Пирогова	
при участии В. Э. Левит)	145
Раздел 3	
ПЕРЕВОД ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ОТ СИНТАКСИСА ИМПЛИЦИТНОГО	
К ЭКСПЛИЦИТНОМУ И ОБРАТНО (Ю. С. Мартемьянов)	152
ПОСЛЕСЛОВИЕ (Ю. С. Мартемьянов)	163
ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	
РАССМОТРЕННЫХ СЛУЧАЕВ «ИМПЛИЦИТНОСТИ»	163
ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА: ПУТИ ВЫЯВЛЕНИЯ	165
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ: ОТ ЗАДАННОГО СОДЕРЖАНИЯ	
К СЛОВАРЮ И СИНТАКСИСУ	174
ОПИСАНИЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ:	
ПРАГМАТИКА ВЫСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ	182
РЕЧЕВЫЕ ИМПЛИКАТУРЫ	
И ИХ ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ РАСКРЫТИЕ	187
ЛИТЕРАТУРА	193
RESUME	200

ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Под ред. Е. Г. Борисовой и Ю. С. Мартемьянова

Е. Г. Борисова, М. Д. Зиновьева, Ю. С. Мартемьянов, И. И. Муханов,
Ю. К. Пирогова, Л. В. Фролкина, И. А. Шаронов при участии И. И.
Акимовой, В. Э. Левит

«Имплицитная информация» звучит почти как оксюморон: если информация, то она должна передаваться, если имплицитная — значит, не передается в явном виде единицами языка. Однако современный языковедческий аппарат позволяет иметь дело и со столь противоречивым явлением, каким является имплицитный способ передачи какого-то содержания.

В последние два десятилетия появилось значительное количество работ, в которых рассматриваются имплицитные способы передачи информации (они отражены в списке литературы), проведено несколько конференций. В основном возможности изучения имплицитной информации способствовало развитие прагматики, когда в поле зрения лингвистов попали действия участников общения, которые не сводятся к простому опознаванию языковых знаков. Выяснилось, что содержание сообщения получается также и в результате дополнительных усилий слушающего.

Для выявления имплицитной информации важным моментом оказался отказ от сосюровского замыкания лингвистики исключительно на языке. Изучение взаимосвязи языка и культуры, столь популярное в последние годы, дает материал для изучения той информации, которая основывается на общих знаниях говорящего и слушающего о традициях, речевом этикете, культурных коннотациях. Проведенная в 1995 году в Институте русского языка имени А. С. Пушкина конференция «Имплицитная информация в языке и речи» показала, что в этой области накоплен значительный объем сведений, которые пришла пора свести воедино. Необходимо составить представление о том, что может быть источником сведений, которые не передаются в явном виде, каковы механизмы их извлечения, как следует учитывать особенности имплицитно передаваемых сведений в прикладных направлениях языкознания. Именно эта задача и стояла перед авторами данной работы.

Авторы не претендуют на исчерпывающую полноту как с библиографической точки зрения, так и в аспекте выявления типов имплицитности. Очевидно, что те лингвистические постулаты, которые лежат в

основе исследования, далеко не единственно возможные. Иные подходы могут выявить новые факты, относящиеся к имплицитному в языке. Однако попытка сведения разнородных представлений и типов имплицитной информации в одном исследовании представляется полезной для тех, кто будет работать в данной области в дальнейшем.

Работа коллектива авторов была распределена следующим образом:

Предисловие написано Е. Г. Борисовой и Ю. С. Мартемьяновым при участии И. И. Акимовой.

Глава первая: Имплицитная информация в лексико-грамматической системе языка

- первый и второй разделы написаны Е. Г. Борисовой,
- третий раздел — Н. Г. Брагиной.

Глава вторая: Имплицитная информация на синтаксическом уровне

- первый раздел — Ю. С. Мартемьяновым,
- второй раздел — Е. Г. Борисовой.

Глава третья: Имплицитная информация на уровне текста

- первый и второй разделы — И. Л. Мухановым,
- третий — И. А. Шароновым,
- четвертый раздел — Л. В. Фролкиной,
- пятый — Ю. С. Мартемьяновым.

Глава четвертая: Культурологические аспекты имплицитной информации — целиком написана М. Д. Зиновьевой.

Глава пятая: Имплицитная информация в прикладной лингвистике

- первый раздел — написан М. Д. Зиновьевой при участии Е. Г. Борисовой и Л. В. Фролкиной.

- второй раздел — Е. Г. Борисовой и Ю. К. Пироговой при участии В. Э. Левит
- третий раздел — Ю. С. Мартемьяновым.

Послесловие написано Ю. С. Мартемьяновым.

Авторы будут благодарны за любые замечания и соображения по существу работы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда проект 96—4—06116.

ПРЕДИСЛОВИЕ

0. Любое описание языковой системы и производимый на его основании анализ какого-либо текста устанавливает соответствие между выражением и содержанием. Однако вследствие асимметрического дуализма знака это не взаимно-однозначное соответствие, ср. «мы извлекаем (понимаем) из отдельного высказывания значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» (Звегинцев 1976).

Задача полного установления и отражения содержания заставляет учитывать фрагменты смысла, которые не вполне находят выражение в устной и письменной речи. Это может быть связано с актуализацией общих знаний о мире, с расчетом на собственные мыслительные действия говорящего. Сюда же относится и извлечение дополнительной информации из сообщения с привлечением сведений о свойствах языка: понимание интонации, служебных слов, синтаксических конструкций. Наконец, понимание несказанного возможно за счет знаний прагматического характера, т. е. представлений о речевых стратегиях говорящего, о традициях речевого этикета. Выявление и описание этих разнородных явлений — задача сборника.

Существует два подхода к определению имплицитности с точки зрения выражаемости. А. В. Бондарко считает импликацией семантические элементы, не выраженные явно, но вытекающие из эксплицитно выраженных средств. Другие ученые (Шендельс 1977, Лекант 1986) считают, что «не может быть не выраженного смысла». Авторы сборника придерживаются того мнения, что неявное выражение смысла возможно за счет содержательных импликаций, осуществляемых в процессе речевой деятельности.

1. Общие положения

Предметом нашего сборника является та информация, которая не составляет непосредственно значения компонентов текста (слов, граммем и т. п.), зафиксированных в словаре, и однако воспринимается слушателем этого текста. То, что такая информация имеется, известно не только лингвистам, но и всем носителям языка, знающим, что такое намек и подтекст, понимающим, что одно и то же можно выразить развернуто или более сжато, например: *Следует закрыть окно, потому что иначе ты можешь простудиться* или *Закрой — простудишься*.

Имплицитное содержание текста представляет собой основной предмет таких научных дисциплин, как герменевтика, а в значительной степени и литературоведение. Понятно, что хотя бы поэтому предлагаемый сборник не претендует на исчерпывающее раскрытие темы «имплицит-

ная информация в речи». Рассматриваются только те аспекты имплицитности, которые непосредственно связаны с языковой системой и ее функционированием (в том числе и со сверхфразовыми единствами и проблемами организации связного текста). В частности, предметом рассмотрения оказывается семантика полнозначных и служебных слов (с учетом коннотаций, культурного компонента значения), значение ряда грамматических категорий (так называемое номинативное грамматическое значение), значение синтаксических конструкций и интонации, семантика некоторых речевых формул и текстовых фрагментов.

Существуют различные понимания того, что такое имплицитная информация. Мы считаем, что это та информация, для получения которой требуются усилия слушателя, не сводимые к сопоставлению языковыми единицам их значений (т. е. «опознанию» единиц в тексте). Для объяснения и обоснования нашей точки зрения мы приводим то представление о речевой деятельности, которое принято авторами работы.

2. Природа имплицитной информации

Для определения сущности имплицитной информации следует представить понимание слушающим текста как речемыслительный процесс. (Кстати заметим, что имплицитная информация связана и с речемыслительной деятельностью говорящего, о чем еще будет говориться). Согласно почти единодушному мнению лингвистов, такой процесс включает в себя сопоставление обнаруженных в речевом потоке единиц со словарем (или списком строевых средств языка) и установлением их значения, что ведет к созданию семантического представления у слушающего, т. е. к передаче информации от говорящего к слушающему. Такой процесс, несомненно, имеет место в реальности, его нельзя игнорировать, однако сейчас очевидно, что эта картина неполна. Доказательством этого может служить принципиальная неконгруэнтность (несовместимость) дискретных и даже конечных языковых средств и бесконечной действительности (что проявляется в «поисках нужного слова», использовании заведомо неточных обозначений с операторами *как бы*, *нечто вроде*, *буквально* и т. п.). Следовательно, для отражения действительности нужны дополнительные операции, не сводимые к отождествлению значений языковых знаков.

Сопоставим результаты отождествления значений знаков с тем семантическим представлением высказывания, которое возникает у слушателя. Рассмотрим фразу *Мне из классиков*, взятую из диалога в библиотеке. Семантическое представление, составленное из значения слов и грамем, не дает однозначного понимания и может включать сведения типа 'что-то, относящееся (значение родительного падежа и предлога) к лицам, признаваемым образцом (значение слова *классик*), должно быть адресовано (значение дательного падежа) говорящему (местоимение пер-

вого лица)'. Семантическое представление, соответствующее нашему реальному пониманию, приблизительно таково: 'говорящий не очень вежливо просит, видимо, у служащего, дать ему книги, принадлежащие авторам прошлого, чье творчество получило широкое признание'. Для получения такого представления нам пришлось: восстановить синтаксическую структуру предложения, включив пропущенное слово *дать* (или *пошу*), уточнить при помощи контекста, ситуации (место разговора — библиотека) и знаний о культуре значение слова *классик*, отбросить прочие понимания, на основании знаний о речевом этикете сделать вывод о степени вежливости высказывания и о его допустимости в данной ситуации. При этом мы очертили только основные наиболее вероятные компоненты того, что может понять слушающий из сказанного. Можно предположить, что недостаточно вежливое отношение связано с обидой или недостаточным воспитанием говорящего. И хотя эти предположения далеки от стопроцентной достоверности, в некоторых случаях они могут быть важны для понимания текста (например, если дальше идет реплика *Девушка, вы напрасно сердитесь* как реакция на недостаточную вежливость просьбы).

Таким образом, получается, что дополнительные мыслительные операции слушающего включают: а) восстановление лакун в представлениях какого-либо уровня (например, неполноту синтаксических структур), б) извлечение дополнительной информации с учетом контекста, фоновых и прагматических знаний, в) «отграничение» замысла говорящего от других интерпретаций (отбрасывание неверных пониманий), г) определение нереализованных в данном тексте потенциалов высказывания (выявление «заднего смысла»). По крайней мере три операции из вышеперечисленных ведут к обогащению содержания сообщения за счет информации, не выраженной эксплицитно.

3. Речепорождение и речемыслительные операции

Для конкретного описания речемыслительных операций определим представление речепорождения, в котором все вышеперечисленные операции могли бы найти место. Мы принимаем многоуровневое представление языка и движение с уровня на уровень при речевой деятельности (в соответствии с положениями модели «Смысл↔Текст» и других [Мельчук 1995]). Однако, в отличие от многих существующих представлений, мы не считаем это движение всегда последовательно однонаправленным: возможны возвраты (например, говорящий, начав подбирать средства фонетического уровня и обнаружив неблагозвучие, может вернуться на синтаксический уровень, чтобы изменить порядок слов и тем самым убрать неудачное стечение звуков) и т. п.

Основной особенностью нашего представления речевой деятельности является введение момента выбора наиболее удачного средства из

нескольких возможных (естественно, если имеется только одно возможное средство выражения нужного смысла, процедура речепорождения сводится к уже известной).

Говорящий не просто порождает последовательность структур, превращающуюся в последовательность слов. Он выбирает из нескольких единиц (слов, морфем, синтаксических конструкций) те единицы, которые точнее всего выражают замысел говорящего (см. Борисова 1996). Слушающий знает о стремлении говорящего к максимальной точности и легкости понимания (это зафиксировано в постулатах Грайса) и учитывает это при понимании. То есть, говорящий выбирает то, что ближе всего к его замыслу, для того чтобы быть наиболее полно понятым слушателем, а слушатель, учитывая эту стратегию, понимает именно то, что задумал говорящий. Как мы видим, здесь рассматривается все понимание как речемыслительная операция. В частности, слушающий в состоянии самостоятельно сделать выводы о каком-то смысле, не выраженном в явном виде из-за отсутствия средств в языке, и таким образом понять говорящего, желавшего это выразить. Такой смысл получается в результате импликаций, которые делает слушающий (и которые предусматривает говорящий) с учетом контекста, прагматических сведений (в том числе и названного выше правила выбора) и фоновых знаний. Естественно, такие выводы могут быть и не сделаны. Поэтому в отличие от информации, сообщаемой в явном виде, сведения, получаемые в скрытом виде (имплицитная информация), надо рассматривать отдельно.

Такое понимание имплицитности заставляет по-новому поставить вопрос о границах значения: если мы можем приписать слову (граммеме) новое значение, то соответствующий ему смысл уже нельзя рассматривать как имплицитный, даже если он и может быть получен слушающим в результате импликаций.

Представленная выше модель понимания речи предусматривает достаточно широкую полосу промежуточных случаев, когда какой-то смысл, достаточно часто и легко выводимый слушателем из уже закрепленного за словом (граммемой) значения, становится новым значением слова (граммемы) или оказывается близким к этому. Например, значение «факта действия» выводимо из значения несовершенного вида (в первую очередь, многократности), а значение сохранения результата — из значения совершенного вида (см. Борисова 1997). Однако обычно эти значения рассматриваются как частные значения соответствующих видов.

Можно ввести критерии, позволяющие провести грань между отдельным значением и выводом из значения. Можно признать некоторый смысл новым значением единицы *X* тогда, когда предполагается, что говорящий знает, что для выражения данного смысла он может использовать единицу *X*. Иными словами, решающим критерием призна-

ния отдельного значения оказывается положение не слушающего, а говорящего. Именно на этом мы будем основывать признание информации имплицитной. Однако учитывая необходимость максимально широкого охвата случаев, сводимых к имплицитности, иногда мы будем затрагивать и пограничные случаи, которые могут по нашему критерию не считаться проявлением имплицитности (естественно, оговаривая это).

4. Основные принципы определения имплицитной информации

Мы рассмотрели место имплицитной информации в модели речепорождения. На основании этого рассмотрения можно сделать вывод о признаках имплицитной информации, которые можно использовать для отграничения нужного нам материала. Поскольку имплицитная информация предполагает некоторые усилия слушающего, которые могут быть более или менее успешными, имплицитная информация понимается с несто процентной надежностью, в отличие от эксплицитной, понимание которой обязательно для любого носителя языка. Например, пропущенный глагол в рассмотренной выше фразе *Мне из классиков* восстанавливается неоднозначно, притом что его имплицитность для всех очевидна. То же можно обнаружить и при анализе других случаев, однозначно относимых к имплицитным. Поэтому признак неоднозначности можно распространить на все случаи имплицитности, в том числе и на спорные, не вполне очевидные, пограничные.

Особо следует сказать об информации, передаваемой служебными словами, интонацией, некоторыми конструкциями, иногда в значениях слов (таковой является, например, ассоциативная информация в полных словах или коммуникативная информация в значениях усилительных частиц). С одной стороны, эта информация извлекается из значений языковых элементов, т. е. в большем или меньшем объеме содержится в словаре, как и значения слов (вербальная информация), ср. значение слова *слякоть*, «отягощенное» отрицательными ассоциациями, или значение частицы *же*, включающее коммуникативную информацию (известность сообщаемого слушающему, см. [Храковский, Володин 1986: 178]. С другой стороны, ее извлечение не является обязательным (по крайней мере, в полном объеме), что сближает ее с имплицитной информацией. Мы называем эту информацию невербальной и тоже рассматриваем ее в дальнейшем среди различных типов имплицитной информации.

Имплицитная информация является результатом речевой деятельности. Поэтому неудивительна ее связь с речевыми актами определенного типа, в первую очередь с косвенными, когда сообщение или вопрос могут использоваться для передачи просьбы (*Лучше, когда окно открыто* = откройте окно), жалобы (*Почему меня никто не понимает?*) и

т. п. В нескольких разделах третьей главы данной работы рассматриваются вопросы имплицитной передачи сообщения о типе речевого акта.

Работа состоит из пяти глав. В первой главе описываются фрагменты языковой системы, которые используют имплицитную информацию в своем функционировании. Фрагменты системы рассматриваются в соответствии с уровневым представлением языка. Отдельные разделы посвящены имплицитной информации, относящейся к уровням морфологии, лексики и фразеологии.

При анализе лексики и фразеологии учитывались имплицитная информация ассоциативного и коннотативного плана, метафора и внутренняя форма слова и фразеологизма, а также имплицитная (и невербальная) информация, составляющая содержание служебных слов. При анализе морфологических явлений отмечается имплицитная информация при транспозиции (использовании одной граммы вместо другой, например настоящего времени вместо будущего), при использовании нулевых морфем, а также в случае конкуренции (употребление вида для выражения сохранения результата).

Во второй главе рассматриваются явления синтаксиса как предложения, так и сверхфразовых единств в комплексе с проблемами дискурса. На синтаксическом уровне имплицитная информация возникает при бессоюзном выражении синтаксических отношений. При переходе на уровень сверхфразовых единств роль имплицитной информации возрастает. Частично такая информация эксплицируется частицами, конверсативами и интонацией. Однако в них передача информации производится с опорой на коннотационный компонент значения, ее тоже следует рассматривать как объект наших исследований (хотя бы до определенной степени).

В третьей главе рассматриваются способы экспликации имплицитной информации, возникающей в связном тексте. Она возникает не только при организации сверхфразовых единств, но и при понимании текста в целом.

В четвертой главе анализируется имплицитная информация, определяемая фоновыми знаниями представителей одной цивилизации.

В пятой главе анализируются способы обращения к имплицитной информации в прикладных целях: в компьютерной лингвистике, при преподавании языков, в анализе языка рекламы и политики.

Глава I

ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Раздел 1

ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ

В данной главе рассматриваются случаи, когда источником имплицитной информации, восстанавливаемой слушателем при восприятии текста, являются средства выражения морфологических категорий. Это встречается не так часто, как в лексике или в синтаксисе. Некоторые случаи (как, впрочем, и при анализе других единиц) вызывают сомнение в своей «имплицитности». Тем не менее, они тоже будут включены в рассмотрение.

В соответствии с провозглашенными нами принципами, можно считать, что имплицитная информация в грамматике представлена случаями, когда а) какая-то грамматическая категория выражается нулевой морфемой (например, родительный множественного женского рода), б) одна граммема употребляется вместо другой, т. е. грамматическая категория получает возможность в контексте выражать значение, обычно ей не присущее (например, при переносном употреблении времени), в) при возникновении некоторых дополнительных оттенков значения (типа сохранения результата у совершенного вида, невежливости у несовершенного вида повелительного наклонения при выражении просьбы). (Мы не исключаем наличие каких-то других явлений, тоже подводимых под интересующую нас категорию).

Все эти случаи имеют разнородные источники имплицитности информации, которые иногда могут вызывать споры относительно степени выраженности передаваемой информации. В соответствии с принятым нами решением, мы рассмотрим все случаи, которые в той или иной степени могут трактоваться как случаи имплицитной передачи информации.

1. Нулевое выражение граммом

«Морфологический нуль» (т. е. использование формы без флексии для обозначения какой-либо граммы, например родительного падежа множественного числа у имен I склонения) вызывает много споров (см. Мельчук 1995). С точки зрения структурализма отсутствие поверхностного выражения в системе — это такой же знак, как и то, что имеет форму (нулевые флексии падежей, нулевые окончания лиц в английском спряжении). При такой трактовке отнесение морфологического нуля к случаям имплицитной передачи грамматической информации излишне: мы можем считать, что знак имеется, следовательно, передача информации эксплицитна.

Однако в некоторых случаях возникают споры. Особенно противоречив случай с нулевой связкой *есть* в русском и с нулевым артиклем в западноевропейских языках.

1.1. Для предложений с именным сказуемым без связки (кроме русского, они встречаются в семитских языках, финно-угорских, в китайском, когда именная часть — прилагательное, и ряде других) возможны две интерпретации. В первом случае есть возможность считать, что во фразах *он дурак, он красив, он красивый* действительно связки нет, а имя обретает свойства «предикативности», т. е. может само по себе содержать «отнесение сообщения к реальности», которое характеризует синтаксическую категорию предикативности, обычно выражаемую глаголом. Другая интерпретация предполагает постулирование связки, принимающей нулевую форму выражения.

Если встать на первую точку зрения, можно считать, что в перечисленных примерах имплицитно выражено значение предикативности. Правильному восстановлению этого значения способствуют средства выражения, связанные с более высоким — синтаксическим уровнем: порядок слов, именительный падеж сказуемого, интонация законченного предложения.

Другая точка зрения — о наличии нулевой связки — не исключает возможности интерпретации этих примеров как случаев имплицитности грамматической информации. В отличие от морфологического нуля в парадигме имени здесь у нас отсутствует не одно окончание, которое нетрудно объявить нулевым, но и все слово. Следовательно, даже если считать его нулевой словоформой, необходимо принять во внимание необходимость его восстановления в тексте (аналогично эллипсису), что заставляет и в этом случае относить это явление к имплицитной информации.

Остается вопрос, на какой из этих двух точек зрения следует остановиться. Видимо, решение будет разным для разных языков, а в русском — для разных частей речи. Одно дело существительные, другое —